

УДК 343.3/.7

А. В. Быков

Филиал по городу Архангельску ФГКУ «УВО ВНГ России
по Архангельской области», Архангельск, e-mail: incom_arh@bk.ru

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА (СТ.172.2 УК РФ)

Ключевые слова: организация деятельности по привлечению денежных средств, финансовая пирамида, умысел, вина.

В статье приводится анализ субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 172.2 УК РФ (Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества) с точки зрения направленности умысла. Анализируя такой факультативный признак субъективной стороны как цель, автор приходит к выводу о том, что цель является обязательным признаком прямого умысла и свидетельствует о направленности умысла. Анализируя Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 №48, автор приходит к выводу о том, что Верховный Суд в качестве критерия разграничения мошенничества и организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества предлагает признак направленности умысла. В результате проведенного исследования автором сделан вывод о том, что направленность умысла лица на хищение денежных средств и (или) иного имущества при организации финансовой пирамиды не исключается, а разграничение преступлений, предусмотренных статьями 159 и 172.2 УК РФ необходимо производить по признакам объективной стороны.

А. V. Bykov

Branch in the city of Arkhangelsk FGKU “UVO VNG of Russia in the Arkhangelsk region”,
Arkhangelsk, e-mail: incom_arh@bk.ru

TO THE QUESTION OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE ORGANIZATION OF ACTIVITIES TO ATTRACT FUNDS AND (OR) OTHER PROPERTY (ARTICLE 172.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Keywords: organization of activities to attract funds, pyramid scheme, intent, guilt.

The article provides an analysis of the subjective side of the crime provided for in Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation (Organization of activities to attract funds and (or) other property) from the point of view of the direction of intent. Analyzing such an optional feature of the subjective side as the goal, the author comes to the conclusion that the goal is a mandatory feature of direct intent and indicates the direction of intent. Analyzing the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated 11/30/2017, the author comes to the conclusion that the Supreme Court, as a criterion for distinguishing fraud and organizing activities to attract funds and (or) other property, suggests a sign of intent. As a result of the conducted research, the author concluded that the orientation of a person's intent to steal money and (or) other property in the organization of a financial pyramid is not excluded, and the differentiation of crimes provided for in Articles 159 and 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation must be made on the grounds of the objective side.

Введение

Вина, являясь обязательным элементом субъективной стороны преступления, подлежит установлению и доказыванию при расследовании каждого преступления. Установление формы вины имеет практическое значение в части разграничения смежных и конкурирующих составов. Однако, не только сама по себе форма вины, но и на-

правленность умысла позволяет отграничить схожие преступные деяния.

Если рассматривать финансовую пирамиду в разрезе уголовного права, то традиционно под ней понимается способ мошенничества [1], при котором привлечение денежных средств граждан и организаций происходит под обещание выплаты процентов, значительно превышающих среднерыноч-

ные показатели. В целях придания видимости добросовестности своей деятельности, организаторы финансовых пирамид производят выплату процентов первым вкладчикам преимущественно за счет средств последующих участников пирамиды.

Организация финансовой пирамиды, рассматриваемая через призму мошенничества, является умышленным преступлением. Наличие у организатора корыстной цели и мотива при совершении хищения путем организации финансовой пирамиды не вызывает сомнений. Между тем, федеральным законом от 30.03.2016 №78-ФЗ Уголовный кодекс был дополнен новым составом преступления – организация деятельности по привлечению денежных средств или иного имущества.

Давая рекомендации по вопросам квалификации мошенничества, Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 30.11.2017 №48 указывает на критерий разграничения преступлений, предусмотренных статьями 159 и 172.2 УК РФ, заключающийся в направленности умысла виновного лица.

Цель исследования заключается в анализе признаков субъективной стороны организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, анализе целей организатора финансовой пирамиды, как показателя направленности умысла.

Материалы и методы исследования

При написании статьи использовался формально-юридический метод, методы анализа и синтеза.

Результаты исследования и их обсуждение

Сконструировав организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества как преступление с прямым умыслом, законодатель оставил за рамками состава преступления мотивы и цели, а как следствие, остался не ясным вопрос о направленности умысла виновного.

Необходимо отметить, что с точки зрения психологии любое действие человек совершает для того, чтобы достичь определенной цели [2, с.24].

В теории уголовного права относительно вопроса о соотношении вины и цели, в целом, сложилось две точки зрения. П.С. Дагель и Д.П. Котов, утверждая, что она является

содержательным элементом вины, подчеркивают, что цель является компонентом психологического отношения лица к совершаемому деянию, т.е. цель, по мнению исследователей, является обязательным компонентом вины [3, с.41-42, 45].

Анализируя уголовный кодекс Российской Федерации с точки зрения психологии, О.Д. Ситковская указывает, что мотив и цель включаются в качестве «системообразующих элементов» в понятие умысла и неосторожности. По мнению ученого «Умысел – это стремление, желание достичь определенного результата. Без указания на цель и мотив это понятие утрачивает предметность» [4, с.32].

Согласно второму подходу в структуре субъективной стороны необходимо различать вину как основной компонент и факультативные элементы – мотив, цель, мотивацию, эмоции и т.д. Как отмечает А.И. Парог, законодательное определение форм вины и общий подход к вине как родовому понятию умысла и неосторожности не включает в себя иных психологических элементов; путаница в решении вопроса о содержании вины при включении, в частности, цели и мотива в ее состав, лишает эти признаки самостоятельного значения как признаков субъективной стороны и объясняет необходимость различия основных и факультативных признаков субъективной стороны преступления [5, с.631-632].

Между тем, полностью отрицать значение цели и мотива преступления является не совсем корректным хотя бы потому, что некоторые мотивы и цели преступного поведения являются конструктивными либо квалифицирующими признаками состава преступления. Представляется, что мотив, цель и вина, являясь самостоятельными элементами субъективной стороны, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Как отмечает В.А. Смирнов, мотив и цель выступает фундаментом, на котором возникает вина [6, с.135]. В этом смысле стоит согласиться с мнением о необходимости глубокого и полного анализа психологических признаков мотива и цели поведения, «глубоко и полно раскрывать те из них, которые отражают специфику преступного поведения, поскольку именно они оказывают серьезное влияние на процесс уголовно-правовой квалификации содеянного» [7, с.14].

Исходя из общеправового значения понятия «цель», под которой понимают эле-

мент сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств [8, с. 763], следует, что цель это идеальный образ того результата, на достижение которого стремится деятельность человека. Интерпретировав философское понимание цели применительно к уголовно-правовой категории прямого умысла, следует вывод о том, что цель является обязательным элементом прямого умысла.

Определение прямого умысла через понятие «цель» имело место в теории уголовного права советского периода. Так, например, А.Я. Эстрин, характеризуя прямой умысел, отмечал, что он «имеет место тогда, когда лицо преследует своими действиями цель добиться причинения именно этого последствия [9, с. 66]. По мнению Э.Я. Немировского, прямой умысел наличествует в случае, когда «преступник направляет свою волю на преступный результат, как на цель, или необходимое средство для достижения другой цели» [10, с. 80, 83].

Несмотря на различия в подходах к значению цели в структуре прямого умысла, представляется неверным категорически отрицать целевой момент прямого умысла. Являясь идеальным представлением лица о предмете или явлении, цель выступает побуждающей силой. Предвидение реальности, возможности и допустимости достижения преступной цели, а так же желание ее достичь характеризуют действия лица как умышленные.

Законодательное определение прямого умысла, содержащееся в статье 25 УК РФ, также предполагает целевую установку лица, совершающего преступление. С точки зрения психологии предвидение определенных последствий и желание их наступления носит целевой характер. «Зарождение желания означает – писал С.Л. Рубинштейн – возникновение и постановку цели» [2, с. 570], отсюда следует, что цель предметна. Таким образом, желание наступления каких-либо последствий при прямом умысле необходимо понимать как стремление к достижению определенного результата, который в сознании лица, совершающего преступление, может иметь абстрактный характер с точки зрения формы, но вполне конкретный с точки зрения содержания. Аналогичным образом, если последствия преступления являются промежуточным этапом на пути к результату преступных действий, форма

этих последствий может быть сформирована в сознании абстрактно, но содержание является конкретным.

Интеллектуальный момент желания наступления последствий означает стремление лица к искомым последствиям. При этом цель и наступившие последствия не являются тождественными и могут не совпадать. Формирование умысла предполагает предвидение будущих результатов, хотя бы в абстрактном виде. Объективно результаты на этапе формирования умысла отсутствуют, но идеальная модель сознательного волевого действия предполагает отражение результатов поведения в цели.

Таким образом, следует полагать, что умышленное поведение лица, являясь осознанным и волевым, направлено на достижение определенной цели, следовательно, целевая установка является частью умысла лица. Однако с точки зрения Уголовного кодекса цель преступления, являясь факультативным признаком субъективной стороны состава преступления, имеет юридическое значение лишь в случаях, предусмотренных законом. Между тем, целевая направленность умысла имеет значение не только в теории, но и в практике квалификации.

Давая разъяснения по вопросу квалификации мошенничества, Верховный Суд Российской Федерации в п. 12 Постановления Пленума от 30.11.2017 № 48 указал, что если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств дела образует состав мошенничества (части 1, 2, 3 или 4 статьи 159 УК РФ) или мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (части 5, 6 или 7 статьи 159 УК РФ), и дополнительной квалификации по статье 172.2 либо 200.3 УК РФ не требует [11]. Иными словами, в тех случаях, когда лицо имеет цель похитить денежные средства, используя финансовую пирамиду, его действия образуют состав мошенничества и дополнительной квалификации по статье 172.2 УК РФ не требуют. В данном случае направленность умысла характеризуется наличием

корыстной цели и предвидением результата в виде личного обогащения путем хищения денежных средств.

Анализируя рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации и состав организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества с точки зрения субъективной стороны преступления, возникает вопрос о направленности умысла организатора финансовой пирамиды для целей квалификации по статье 172.2 УК РФ.

Теоретический анализ понятия финансовой пирамиды позволяет выявить как минимум две разновидности финансовых пирамид в зависимости от целей их деятельности и целей организаторов. Так, Е.А. Скобликов отмечает наличие двух точек зрения относительно финансовых пирамид; первая сводится к тому, что финансовые пирамиды «являются инструментом мошенничества и обмана», а вторая позиция, как отмечает исследователь, сводится к тому, что «пирамида может быть весьма эффективным инструментом легального бизнеса» [12, с. 64]. Г.Г. Димитриади, рассматривая финансовую пирамиду с позиции математического анализа, также отмечает наличие двух целей организаторов финансовых пирамид: «максимизация собственной выручки» и «покрытие всех текущих потребностей (бюджетного дефицита) за счет пирамиды» [13, с. 2119]. И.Г. Горловская и И.И. Гимадиева, обобщая понятия и признаки финансовой пирамиды, указывают на то, что цель организатора финансовой пирамиды состоит в извлечении дохода от ее деятельности [14, с.168]. В целом, приведенные цели соотносятся друг с другом. Так, максимизация собственной выручки с точки зрения организатора финансовой пирамиды направлена на извлечение максимальной прибыли при минимальных затратах, что является извлечением дохода. Если пренебрегать тем обстоятельством, что любая коммерческая организация может быть представлена в форме финансовой пирамиды, и условится о том, что лицо создает коммерческую организацию и действует по принципу пирамиды, изначально не осуществляя реальной предпринимательской деятельности, то извлечение прибыли от деятельности такой организации может быть, как представляется, двумя способами: хищение денежных средств; расточительное расходование привлеченных денежных средств [15, с.535].

В свою очередь, финансовая пирамида обеспечивает концентрацию капитала и финансовых ресурсов [12, с.64], что может быть использовано для покрытия дефицита бюджета в тех случаях, когда в результате объективных экономических процессов образовался соответствующий дефицит.

Необходимо отметить, что для достижения указанных целей, как правило, используются различные механизмы. Так, в случае, когда финансовая пирамида создана для целей финансирования дефицита бюджета, деятельность финансовой организации строится по принципу пирамиды, однако такая деятельность не является продолжительной и систематической. В такой ситуации организация становится пирамидой «на время», осуществляя добросовестную хозяйственную деятельность.

Преследуя цель хищения денежных средств, организатор изначально выстраивает деятельность по принципу финансовой пирамиды. Такая деятельность, как правило, не продолжительна, но «от» и «до» основана на принципе пирамиды. Хозяйственную деятельность, как правило, такая организация не осуществляет.

Имея цель личного обогащения путем расточительного расходования, лицо, как отмечает И.А. Клепицкий, действуя с осторожностью, создает пирамиду в форме, например страховой компании, привлекает потребителей стоимостью услуг ниже рыночной, что обеспечивает высокий уровень продаж, осуществляет деятельность по оказанию услуг обязательного страхования, но, получив денежные средства, организатор пирамиды назначает заработную плату, сопоставимую с уровнем заработной платы руководителей крупных добросовестных страховых организаций [15, с.535]. В результате такой деятельности значительная часть полученных денежных средств перераспределяется в пользу организатора пирамиды.

Принципиальным является то обстоятельство, что для привлечения к уголовной ответственности по статье 172.2 УК РФ не требуется «краха» финансовой пирамиды. С точки зрения объективной стороны состав преступления предполагает достаточным установить лишь факт осуществления деятельности по привлечению денежных средств или иного имущества в крупном размере (ч.1) с системой выплат, организованной по принципу пирамиды, и факт отсутствия инвестиционной, предприниматель-

ской и иной законной деятельности в объеме, сопоставимым с объемом привлеченных средств. В этой связи необходимо отметить, что в случае с хищением и восполнением дефицита бюджета пирамиды не осуществляются деятельности в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных средств. Обратное свидетельствует об отсутствии признаков пирамиды. При этом в обоих случаях привлечение денежных средств происходит умышленно, то есть лицо осознает, что привлекает денежные средства, не осуществляя предпринимательской или инвестиционной деятельности в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных средств и желает этого. Лицо осознает, что осуществляет организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических и (или) юридических лиц с выплатой дохода по принципу пирамиды при отсутствии экономической деятельности в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств.

В ситуации расточительного расходования привлеченных средств пирамида, формально осуществляет предпринимательскую деятельность в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств, однако структура финансово-хозяйственной деятельности свидетельствует о недобросовестности и отсутствии реальной предпринимательской или иной экономической деятельности.

Принимая во внимание требования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 220, 225 УПК РФ) о необходимости установления мотивов и целей преступления, а так же разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, необходимо подчеркнуть, что для решения вопроса о квалификации действий лица по статье 172.2 УК РФ необходимо установить цель, не связанную с хищением, что с одной стороны, соответствует определенному законодателем объекту преступления, но с другой – обозначает проблему установления направленности умысла виновного.

Как отмечалось ранее, организатор финансовой пирамиды может преследовать как минимум две цели: обогащение за счет пирамиды или восполнение дефицита бюджета. Относительно последней цели стоит отметить, что само по себе восполнение дефицита оборотных средств за счет построения финансово-хозяйственной деятельности по принципу пирамиды, не представ-

ляет опасности, поскольку коммерческая организация, восполнив образовавшуюся недоимку таким способом, возвращается к осуществлению предпринимательской деятельности и в последующем исполняет свои обязательства. Необходимо отметить, что в данном случае коммерческая организация осуществляет добросовестную предпринимательскую деятельность.

Если организатор пирамиды ставит перед собой цель обогащения за счет ведения такой деятельности, то необходимо учесть то обстоятельство, что обогащение за счет пирамиды возможно только при осуществлении реальной предпринимательской деятельности, доходность которой, как подчеркивает Е.А. Скобликов, должна в три раза превышать объем привлеченных средств [12, с.64].

В иной ситуации, прежде всего, при отсутствии реальной предпринимательской деятельности, извлечение прибыли за счет пирамиды представляет общественную опасность. Экономическая сущность финансовой пирамиды ведет в ее несостоятельности (банкротству) и извлечение прибыли в данном случае возможно при преднамеренном банкротстве и расточительном банкротстве, а также при хищении денежных средств. Однако в свете разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, для квалификации действий виновного по статье 172.2 УК РФ необходимо устанавливать умысел, не направленный на хищение.

Таким образом, анализируя субъективную сторону организации деятельности по привлечению денежных средств или иного имущества, необходимо отметить, что являясь умышленным, данное преступление по конструкции состава должно подразумевать определенную цель как результат, на достижение которого направлены действия виновного.

Проведенный краткий анализ возможных целей организатора деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества позволяет произвести условную систематизацию целей. Так, в качестве цели стоит рассматривать извлечение прибыли от деятельности пирамиды, что может быть выражено в добросовестной (законной) деятельности (финансирование дефицита бюджета), условно добросовестной деятельности (извлечение личной прибыли за счет расточительного расходования денежных средств) и незаконной деятель-

ности (например, хищение). Следовательно, организатор финансовой пирамиды преследует корыстную цель. Примечательно, что мошенник, совершая хищение с использованием финансовой пирамиды, преследует ту же корыстную цель – извлечение прибыли, имущественной выгоды.

Анализируя состав преступления, предусмотренный статьей 172.2 УК РФ, необходимо отметить, что мотив и цель анализируемого деяния не нашли своего закрепления в законе, в связи с чем имеется мнение о том, что данное преступление может быть совершено с любым мотивом и целью [16, с. 13]. Полагаем, что данное преступление имеет корыстный характер. Сложно представить организацию финансовой пирамиды, например, по мотивам личной неприязни.

Анализируя постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» А.В. Ростокский и Е.В. Медиков отмечают, что «для квалификации деяния по статье 172.2 необходимо, чтобы субъект действовал с прямым умыслом и осознавал, что организует незаконное привлечение денежных средств физических и юридических лиц в крупном или особо крупном размере в «финансовую пирамиду» [17, с.162]. Исследователи отмечают, что виновный, совершая мошенничество, также действует с прямым умыслом, и он направлен на незаконное безвозмездное изъятие денежных средств, а в случае с организацией деятельности по привлечению денежных средств «субъект преступления не имеет цели не вернуть денежные средства» [17, с.162]. С указанной трактовкой, в целом, можно согласиться, однако следует отметить, что само по себе привлечение денежных средств физических и (или) юридических лиц не запрещено законом. Более того, в экономическом смысле привлечение денежных средств направлено на формирование капитала, который является основой осуществления любой экономической деятельности. Кроме того, о том, что умысел лица был направлен на безвозмездное изъятие денежных средств станет известно только после «краха» финансовой пирамиды. В свою очередь об отсутствии у субъекта цели «не вернуть денежные средства» формально говорит тот факт, что привлечение денежных средств происходит на основании договора займа, который, исходя

из самого определения договора, предполагает возврат заемных средств. А в случае привлечения денежных средств в кредитный потребительский кооператив, возвратность внесенных средств формально определена положениями части 4 статьи 14 Федерального закона от 18.07.2009 №190-ФЗ «О кредитной кооперации» [18]. Следовательно, определить цель «не вернуть денежные средства» до момента их возврата представляется достаточно сложным.

Между тем конструкция состава преступления, предусмотренного статьей 172.2 УК РФ, не предусматривает последствий, а сам состав преступления направлен на пресечение деятельности финансовых пирамид на этапах, предшествующих хищению. Таким образом, цель хищения денежных средств не может быть исключена на этапах, предшествующих хищению.

Выводы

Само по себе наличие корыстных целей и мотивов в действиях лица еще не означает направленности умысла на совершение определенного деяния. О направленности умысла следует судить исходя из обстоятельств объективной стороны преступления. Очевидное сходство отдельных признаков организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества с мошенничеством дает основание полагать, что разграничение данных преступных деяний следует осуществлять по конструктивным признакам объективной стороны. Так, конструктивным признаком объективной стороны мошенничества, совершенного по принципу финансовой пирамиды, на этапах, предшествующих хищению, является способ привлечения денежных средств в пирамиду. Следует полагать, что в тех случаях, когда лицо, привлекая денежные средства, заранее сообщает «вкладчикам» принципы деятельности предприятия, источники формирования фондов денежных средств и источники выплаты доходов, то в действиях лицо отсутствует признак обмана. А в случае, когда такое лицо также заранее предупреждает о том, что исполнение всех принятых на себя обязательств, связанных с привлеченными средствами, невозможно, то и отсутствует признак злоупотребления доверием. При таких обстоятельствах, как представляется, отсутствуют объективные признаки мошенничества, а потому в такой

ситуации определить умысел лица, направленный на хищение привлеченных денежных средств, представляется затруднительным.

Полагаем, что для целей статьи 172.2 УК РФ направленность умысла виновного и его цель являются второстепенными признаками. Первичным будет являться осознание лицом факта организации деятельности финансовой пирамиды и желание осуществления финансовой пирамиды, привлекая денежные средства, при этом конечная цель виновного может состоять в завладении привлеченными средствами. Подчеркнем, что формальный состав анализируемой нормы не предполагает последствий в виде ущерба

или хищения привлеченных средств, следовательно, цель виновного и направленность умысла, как результат его действий, остаются за рамками состава преступления.

Учитывая единство целей субъектов и схожесть объективной стороны организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества и мошенничества, совершенного с использованием финансовой пирамиды, полагаем необходимым издание Верховным Судом Российской Федерации разъяснений по вопросу разграничения преступлений, предусмотренных статьями 159 и 172.2 УК РФ с позиции объективной стороны преступления.

Библиографический список

1. Мысловский Е.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы современных нетрадиционных форм мошенничества (на примере «финансовых пирамид» «МММ», «Русский дом селенга», «Тибет», «Хопёр» и др.): дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2003. 305 с.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2007. 720 с.
3. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. 244 с.
4. Ситковская О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации. Психологический комментарий. М., 2009. 109 с.
5. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 4. СПб., 2005–2011.
6. Смирнов В.А. К вопросу о соотношении категорий «вина» и «цель» преступления // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С.135–137.
7. Капинус О.С. Мотивы и цели убийств. М., 2004. 312 с.
8. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
9. Эстрин А.Я. Уголовное право СССР и РСФСР. М., 1931. 136 с.
10. Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части Общая и Особенная. Одесса, 1926. 368 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 11 декабря 2017.
12. Скобликов Е.А. Кризис в свете законов финансовых пирамид // Финансы и кредит. 2009. № 22. С. 61–70.
13. Дмитриади Г.Г. Детерминированный подход к описанию финансовых пирамид: цели Организатора финансовой пирамиды // Исследовано в России. 2003. С. 2117–2124.
14. Горловская И.Г., Гимадиева И.И. Финансовые пирамиды: понятие, признаки, проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2011. №3. С. 166–171.
15. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. М.: Проспект, 2021. 984 с.
16. Улейчик В.В., Яковлева Л.В., Майорова Е.И., Рязанцев В.А. Расследование преступлений, связанных с организацией деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (статья 172.2 УК РФ): методические рекомендации. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 64 с.
17. Ростокинский А.В., Медиков Е.В. Актуальные вопросы противодействия организации деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества // Образование и право. 2009. № 2. С. 160–164.
18. Федеральный закон от 18.07.2009 №190-ФЗ «О кредитной кооперации» // Российская газета. 24 июля 2009 г.